Алексей Чудиновских

Жительницы вершин

Через могилу Курёхина мы проходим к тебе в комнату — город в лиловой пыли нойз-рока. Я тьмой слов на незнакомом языке пролажу между Луной и стенами. Ближе к твоему зрению (2+2=Искренко). Слева языки времени перелистывают конечную цель. Справа мокротный снег и литий освещения. Выкрики: русский квир! русский квир! И никак не возвращается ветер… Мы делим с тобой один на двоих шлем россгвардейца. Жизнь как в несколько слоев черная фреска Ротко. Просвечивает. Видно каждое твое слово в сердце. На тысяче слов ты произносишь, что жизнь перешла на вражескую сторону, и теперь каждая ее рука против меня. Глобус, Чаплин, Чезаре. Твое заклинание от грешных смыслами слов■ми. Млечный путь от внутренней раны к стране из костей. И на каждом шагу могила Сергея Курёхина.

* * *

Исправительные зеркала бритвами отражений срезают копию моего лица. По обочинам слов разбросано нижнее белье. До ремиссии еще целый лес водяных знаков. Швы и бинты изображают журавля в небе. Пуля вылетает из моей головы навстречу этой птице. Воздушные шары-рецепты закрывают Солнце. Полутораглазые капли дождя падают в клетку любовника. Там — его способ находить любовь среди шоколада, лаваша и кока-колы. Он называет это окреслости, е…ня внутри. Ноги втоптаны в стены, место — не больше таблетки. Болезнь из миски моим телом кормит собаку. Нет, щенка в матери. Если он доживет до меня, то родится в мой дом. Где калории на 360°, динозавры и диван. Цапля-рабица не взлетает, окружает селфхарм — от меня. Надрезами. Пациент ползет по отражению прошлого, по клавиатуре кипятка. Чуть в сторону, и оригинал жизни будет жить дольше, чем то, что им написано.

* * *

Обживем ненасытную кровь и намажем на рану от города. Ты вернешься домой — вся из промоин и окон разбитых. Достоевский на входе в обломках Лотреамона сложил свои крылья — фонари в петли песен ждут своих звонарей. За стеной человеческий студень блестит, как волосы из головы Павла Филонова. Ложится мгла на старые ступени. Смеется трилобит над неустроенностью дней. Мы сочинили для тебя, любимый Воид, яйцо в стихах под ропот жительниц вершин. Его разбей о голову — и желтой кровью попеременно мажь то Вомбу, то пепел на ресницах книг. Нас в кладовую солнца от любви по карте тропп ввели под звуки Деф. Где наше МЫ совокупляло души и мосты, как в кукольном мультфильме о Дельфине. Чтоб тело в форме облака-и-дрона продолжало жить — от вкусного обеда до мыслей о расщеплении материй.

* * *

Я устроился на работу в канцелярию восьмерок. Там, где резервы в руках у селедки. Дважды в день стикеры клеят на испытательное тело. Оно голое, как Луна на рогах у козла. Ты облизываешь микросхемы и идешь на обед. Сточные звезды берез на тарелке-лице. Молоко на губах у коллеги. Скрябин. Крест. Мы смеемся над шутками из будущего. Наш смех в прошлом. Сейчас мы голые. Из животиков вываливаются винтики и осень. Фрезеровщик Алеша рожает фронтовика прямо в курилке при всех. В утробную слякоть. Я стою на коленях желторотого и признаюсь за поэзию. Моросит мороженое. Зябко. Электрические яйца. Читалка. Мне плевать, если мы войдем в историю как варвары. Кожа змеей скользит по экрану смартфона. Мы расселись на дереве го́лоса и хором поем азбуку Сникерса. 666. Но пароль не подходит по сроку. Ты берешь меня как снежок грязи и бросаешь в темноту слова. А там меня уже дожидаются геи Хрюша и Степашка.

* * *

Скоро наступит сейчас — и на подобном вопросе вздрогнет земля. Это ее языком я писал поезда — антропофагов, червей, чудеса — уходящих за край твоего лица. И от слов становилось светло. Это о нас. За стеной, за забором, за словом. Прежнее тело любимого человека уменьшалось до города. Я знаком с каждой минутой твоей смерти. Наши друзья, серафимы аборта, в противогазах штурмуют начальные школы от третьего лица. Это вездец на таблетках свежевыжатых и нерабочих. Для нас опоздали война, человек в камуфляже Пьеро, но скоро и эта солнечная требуха встанет на ноги. В моем случае — ASMR для мыслей ЗАЧЕМ. Граффити на внутренней стенке болезни. Это она соединяет нас — белая дыра в откушенных головах, один к одному, как вдова арендной платы.

* * *

1) Сталин доступны обновления смерти. Вместо жизни1 високосное слово ABIBAS. Твое увеличительное сердце для трещин в пустоте. Счастье_1935_1998.mkv Депрессия Диплом Деревья в форме вертухаев. Утка-маляр приросла к небу-лезвию, и это солнце поездом в агитационной росписи Тышлера ползет по страницам полн. собр. соч. вопроса Зачем.
2) Чтобы тебя увидеть, я подбираю альтернативу словам. Троцкий луюбил ледорубом трутня Пушкина. Трижды. Кошка его фантазии по имени ФСИН родила двух щенят. Чайка и Чайка, оба магнетизм. Мы в баре2. Я твое молчание. Искремас. Бабадук. Михалков. Сейчас ты ближе меня к тому, что я хочу сказать. И эти слова между нами лежат, друг к другу окончаниями.

* * *

Чмоки выбрали себе имена. Сейчас. Вагон перевернут, санитар очищает от смерти жизни. Между листьями и деревом. Веточки в сердце.

Энциклопедическая пустота. Их еще не было. Его и ее. До перехода через мост настоящего. Горькие облака бьют стекла в окнах воспоминаний. Комиссар застрелился еще ребенком. Стена ведет в лабиринт. Это выход. Она — Тата, он — Ника. Обращенные против себя. Созвездия. Две световые старухи крутят чертово колесо, транспорт будущего. Их раны ползут по воде. Рассвет. 666 страница дня. Оружие сердца произведено в космосе. Там моя любовь носит кимоно. Ее имя Тата или Ника, вместе со мной.

* * *

В пламени моего зрачка спит бисквитный треугольник твоей головы. Угольная форма ночи, наш нерожденный ребенок, кричит переводами на достоевский язык. Протезы смастерили ему изо льда и шампанского. Чтобы не потеряться среди смерти, на деревьях засечки сделаны файлами mkv. Зрение этого маяка только ночью ведет нас обратно, к оригиналу времени. Ее тело нефтью опрокинуто в зеркало звезды. В дыхание вставлены стразы, убийства, ледяное пламя. Пешие камни брошены в окна, лобовые стекла и лица правителей. Фокусники зарезаны понарошку. Эта сказка возле придорожной заправки сдавлена восьмерками речи, с открытым ко всему новому черепом. Мгновение с петлей на шее лежит на мостовой. Выстрел. Я в черной пыли пожара пробираюсь сквозь собственное тело. К тебе. Один твой день причастен к тени моей, что до сих пор на земле. И это движение человека посыпано крошками неба. Начало положено.